

Какаши слышит в его голосе нотки печали, пусть и скрытой, и мысленно пересматривает свою оценку возраста Курамы. Это прозвучало как горе того, кто воочию наблюдал за разрушениями. Вряд ли он был бы первым шиноби, скрывающим свой возраст - Цунаде, пожалуй, лучший пример, но лишь один из многих. А Узумаки славились своей жизненной силой. Не исключено, что Курама на самом деле ближе к возрасту Минато, чем Какаши, несмотря на внешность.

"Все шиноби так или иначе являются наемниками", - говорит он, сохраняя спокойный тон. "И я думаю, что поимка пропавших нин - это хорошее заявление о намерениях. Особенно тех пропавших нин".

Глаза Курамы темнеют и слегка сужаются, и на мгновение Какаши вспоминает предположение Генмы о том, что здесь замешана обида. Но прежде чем он успевает спросить, рыжий кивает один раз, резко и напряженно, а затем его улыбка возвращается. Он поворачивается, оглядывает комнату, затем вздыхает и берет свой рюкзак и катану в ножнах. Бумаги с печатями он запихивает в карман и снова обращается к Копирующей нин. "Полагаю, нам пора уходить?"

Какаши прикинул время и расстояние и кивнул. Если они уедут сейчас, то успеют до наступления ночи, и чем быстрее они окажутся в Конохе, тем лучше он себя будет чувствовать. Вся эта миссия была легкой, и если Какаши что-то и знает, так это то, что его удача никогда не длится долго.

Курама движется как тень, стремительно и совершенно бесшумно, даже для тренированного слуха Какаши. Он легко идет в ногу с Какаши, как бы тот ни ускорял шаг, и не спотыкается, даже когда Какаши неожиданно сворачивает с дороги. Копия-нин наблюдает за ним краем глаза, с любопытством и некоторой опаской, но Узушио-нин не делает никаких угрожающих движений. Его катана, прекрасная вещь с серебряной рукоятью и темно-синей обмоткой, остается в ножнах, и Какаши ни разу не видел, чтобы он потратил на унцию чакры больше, чем требуется для управления ветвями. Он делает это так же хорошо, как и шиноби Конохи, что любопытно, и Какаши откладывает это на потом.

Похоже, он много чего делает, но Узумаки Курама - это интересно, когда жизнь уже много лет довольно скучна. И дело не только во внешности - рыжие волосы не мешают, да и на Кушину он совсем не похож. Но он силен и, по его собственным подсчетам, был одинок уже много лет, с тех пор как пал Узушио. Какаши трудно представить себе такое, такую трагедию. Да он и не хочет.

По негласному соглашению они останавливаются, когда становится слишком темно, чтобы различать отдельные деревья, и разбирают грубый лагерь. Какаши не разжигает костер, а просто наблюдает за тем, как Курама проходит по установленному периметру, рисуя символы в каждой из кардинальных точек, а затем соединяя их в круг. Он оживает с тремя размытыми знаками руки, вспыхивает треском фиолетовой чакры, а затем снова успокаивается, мягко гудя.

Какаши задумывается над цветом, с которым он никогда раньше не сталкивался, и

откладывает это в долгий ящик. Однако для такой быстрой работы это впечатляющая печать, и когда Какаши незаметно проверяет ее с помощью горсти камешков, они превращаются в точки тлеющего шлака, опаляющего землю. Какаши долго смотрит на них, внезапно испытывая огромную благодарность за то, что решил использовать камни, а не пошел на поводу у своего первого порыва и не ткнул в барьер.

"Забыл предупредить вас, Хатаке-сан", - говорит Курама, внезапно повеселев. "Лучше не трогать".

Какаши бросает на него мрачный взгляд, которого заслуживает, и откидывается на спинку кресла. Сегодня они почти не разговаривали, по большей части бежали молча, и Какаши удивлен, что тот смог так долго держать язык за зубами. Даже некоторые более разумные шиноби, такие как Генма и Райдо, начинают нервничать после долгого молчания. А вот Курама выглядит вполне нормально: он с аппетитом поедает батончик, хмуро глядя на очередную печать. Какаши украдкой поглядывает на него, но ничего не может понять - вряд ли он мастер печатей, хотя Минато или Джирайя, несомненно, с удовольствием поразмыслили бы над этим.

Он продержался еще десять минут, подавившись своим батончиком, прежде чем тишина стала довлеть над ним, и он со вздохом сдался. "Значит, с печатями у тебя все в порядке".

"Мм." Курама вынимает батончик изо рта, сглатывает со слабой гримасой и кивает. "Этому учили почти всех в Узушио. Конечно, у разных людей были таланты в разных областях, но запечатывание было общим". Он опускает взгляд на свой текущий проект. "У меня хорошо получается создавать, придумывать идеи. Адаптация. Другие люди могут противостоять печатям, или разрушать их, или безупречно копировать. Это просто другой вид искусства. Удзуисио просто обучил его более основательно, чем кто-либо сегодня".

И из-за этого Узушио был уничтожен, думает Какаши, пряча гримасу. Во время Второй войны шиноби Ива опасались, что Узушио придет на помощь Конохе, опустошая их ряды фуиндзюцу, и поэтому уничтожили его. Узушио никогда не была большой деревней, да и Страна Водоворотов тоже была небольшой, поэтому обе они пали быстро, прежде чем Коноха успела прийти к ним на помощь.

Кушина ужасно горевала, когда кто-нибудь упоминал ее страну, а ведь ей не пришлось наблюдать за ее разрушением. Для Курамы, если он действительно присутствовал при этом, все было гораздо хуже.

Почувствовав на себе взгляд Какаши, Курама поднял голову и слабо, сардонически улыбнулся. "Прекрати. Это случилось давным-давно, Хатаке-сан. Я восстановился настолько, насколько смогу. Не надо меня жалеть".

"Почему бы не отправиться в Коноху?" спрашивает Какаши. "Они были союзниками. Тебя бы приняли".

"И променять одну деревню на другую?" Курама качает головой. "Мой дом пал. В тот момент я

не соби́рался искать новый. Это было бы похоже на предательство". Он поднимает голову и смотрит на звезды, на мгновение задерживает взгляд на луне, проглядывающей сквозь ветви, а затем снова смотрит на своего собеседника. "Поскольку я хочу закончить это дело, я буду дежурить первым, - предлагает он.

Очевидно, что теперь тема закрыта.

Какаши говорит себе, что нужно довольствоваться тем, что он обнаружил на данный момент, и кивает в знак согласия. Он укладывается в свою постель и закрывает глаза, но его внимание привлекает слабый скрежет пера по бумаге.

Сон долго не приходит.

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458412>